

Интервью с бывшим царём Болгарии Симеоном II

Третий царь из династии Саксен-Кобургов, призванной на престол Болгарии в 1887 году, Симеон II родился в Софии 16 июня 1937 года в семье царя Бориса III и его супруги Иоанны (бывшей итальянской принцессы). После внезапной смерти отца (союзника нацистской Германии во Второй мировой войне) 28 августа 1943 года вступает на болгарский трон (ввиду малолетства монарха управлял Регентский совет). 16 сентября 1946 года в результате организованного коммунистами плебисцита, объявившего Болгарию республикой, был вместе с семьей выслан в Египет. С 1951 года поселился в Испании.

– Ваше Величество, вы помните тот момент, когда стали царем?

– Да, это было большим потрясением, особенно для ребенка. Мы с сестрой играли в нашей комнате, когда пришел адъютант и, обращая ко мне, с поклоном сказал: «Ваше Величество!» Я так испугался... Ведь «Его Величеством» обязаны были звать моего отца... И вдруг мне начинают говорить такое! Офицеры надевают

погоны с моим вензелем «С», часовые отдают честь, на улицах снимают шапки, шепчут «государь». И мне казалось тогда, что я просто узурпатор.

– Что для вас означало тогда – быть царем?

– Конечно, что-то иное, нежели сейчас, поскольку я смотрел на свое царствование глазами шестилетнего ребенка. Я никогда не думал, что мне в один прекрасный день придется стать взрослым и делать вещи, которые дети обычно не делают: подписывать указы, принимать министров и послов, выступать в парламенте, ездить в какие-то скучные места, что мне совершенно не хотелось.

– Но это, наверное, отчасти компенсировалось тем, что можно отдавать взрослым людям приказы, командовать...

– Да вы что! Попробовал бы я, мама бы мне так приказала! Естественно, все дети немножко диктаторы, но когда мать рядом, желание покомандовать обычно сразу пропадает. Меня так

воспитывали: если уронил за обедом вилку, то подними ее сам, а не жди, пока поднимет слуга. Да и отец нам все время говорил: «Не забывайте, дети: царствовать – значит служить».

– Таинственную смерть вашего отца, царя Бориса III, окружает множество слухов... До сих пор поговаривают, что его умертвили по приказу Гитлера.

– Да, мне говорили, что он был отравлен, на что я сказал: все это мифология, а я люблю иметь дело с доказательствами. Отцу не исполнилось и пятидесяти, но у него было очень большое сердце – при вскрытии обнаружили, что оно забито коронарными тромбами. А он умер вскоре после встречи с Гитлером, и я представляю, как у него подскочило давление в крови после того, что ему было сказано. О чем они говорили? Этого мы не знаем, но, согласитесь, разговор с главой Третьего рейха – в зависимости от его содержания – легко мог спровоцировать сердечный приступ и у любого здорового человека.

– Неужели у вас нет даже малейших сомнений?

– Я покривил бы душой, если бы сказал, что их нет совсем. Уж слишком много людей говорят, что смерть Бориса III не была естественной. И его гибель действительно окутана тайной. Официально считается, что мой отец умер в самолете, возвращаясь из Германии. А я помню, как мы всей семьей приезжали в аэропорт его встречать, и тогда он был жив-здоров. Когда-нибудь, искренне надеюсь, я узнаю всю правду.

– Были ли вы формально коронованы после вступления на трон?

– Нет, поскольку у нас не существовало ни церемонии коронования, ни самой короны, ни каких-либо регалий вроде скипетра и державы. Нового царя лишь благословлял на царство патриарх Константинополя, но поскольку во время войны с патриархом возникли проблемы, то меня благословил экзарх. Вот трон действительно существовал, но что такое был этот трон? Большое неудобное кресло, в котором я сидел во время посещения парламента, и все. Мои отец и дедушка (царь Фердинанд I) во

время светских приемов никогда не восседали на троне с гордым видом типа «вот он я!», а стоя в центре зала, здоровались с гостями за руку. Как царю, мне была срочно сшита военная форма, которую я носил вместе с кортиком, и сделаны особые ботиночки для езды на лошади.

– У вас все это отобрали при высылке из Болгарии?

– Конечно. Но знаете, в 1996 году, когда я приехал в Болгарию, ко мне подошла одна женщина и поднесла в свертке... те самые ботиночки! Вы представляете? Я их сразу узнаю! Они к ней случайно попали, и эта женщина их столько лет хранила, чтобы вернуть мне. А тогда нам дали всего неделю, чтобы собрать вещи. Мы упаковали чисто семейные реликвии – семейные портреты, обеденные тарелки, еще какую-то мелочь. Однако за день до нашего отъезда матери сказали: «Этих вещей чересчур много – просто возьмите самое необходимое, а остальное мы пришлем вам в Египет». Мне даже далеко не все игрушки разрешили забрать – правда, я сумел настоять на моем любимом плюшевом зайце и таком симпатичном пингвине. И все. Семь месяцев спустя в Каир приехала болгарская делегация, мы их спросили, а они в ответ: «У-у-у, да это будет очень дорого, да мы и не знаем, что там именно вам требуется прислать...» Короче, больше этих вещей мать моя не увидела, а я обнаружил недавно – в антикварных магазинах и частных домах Софии. Уже в поезде каждому из нас – мне, сестре, матери и тетке – раздали по 200 долларов США: первый раз в моей жизни я тогда увидел доллары... Потом пошел дождь, поезд тронулся, и я заплакал. Я плакал и смотрел из окна вагона на мою страну, которая медленно проплывала у меня перед глазами. А вскоре болгарское посольство в Париже собрало пресс-конференцию и объявило, что они дали мне с собой целых 20 миллионов долларов! Это они здорово сказали, поскольку в то время во всей Болгарии и двух миллионов-то не было!

– Да, но насколько мне известно, в Египте вы не голодали.

– Не голодали, поскольку мой дедушка со стороны матери был

королем Италии. Его, правда, к тому времени уже тоже сместили с трона, но кое-какие средства у него остались. Дедушка и дал денег маме, чтобы она отправила меня учиться в приличную школу и сняла дом. Когда я окончил институт, деньги кончились и мать сказала: «Знаешь, я вдова и я одна. Ты должен зарабатывать деньги». И я стал их зарабатывать, поскольку вскоре женился, один за другим родились пятеро детей, и я вкалывал не знаю как. Но мне очень нравится работать.

– От царя это странно слышать. Вы же должны, так сказать, пить кровь трудового народа, как было черным по белому написано в наших старых учебниках истории.

– Что поделаешь (смеется) – времена меняются. Этим я доказал, что могу обеспечить семью сам – вне зависимости от того, царь я или нет. Чем именно я занимаюсь? Финансовыми консультациями, а также вкладываю деньги в акции на бирже. Сейчас работаю с одной французской фирмой, производящей электротовары. Но я никогда не использовал в своем бизнесе то, что я царь Болгарии, Деньги – это одно, а корона – это другое: она принадлежит не мне, а болгарской истории. Только недавно я согласился предоставить свой герб с короной для одной марки болгарского вина, которое сейчас неплохо продается в Лондоне. Я им сказал: «Главное, чтобы вино было отличное. Как только я открою бутылку и обнаружу, что вино дрянь, сразу же уберу корону к чертовой матери».

– Ваше Величество, как вы полагаете: когда свергнутый монарх живет далеко от родины много лет, теряет ли он с ней связь? Вот члены династии Романовых во Франции уже и говорят с акцентом...

– У меня, слава богу, нет таких проблем. В моем окружении всегда присутствовали два человека из Болгарии – повар и личный секретарь, поэтому мой язык не пострадал. Хотя и дома-то мы не всегда говорили по-болгарски – мама, как вы знаете, была из Италии. Поэтому для нас с сестрой болгарский был секретным языком: мы общались на нем среди наших иностранных

друзей, когда надо было сказать что-то важное, чтобы никто нас не понял.

– Но отличное знание языка еще не означает связи с родиной...

– Я с вами не соглашусь, поскольку, когда ты думаешь, что уезжаешь из своей страны навсегда, она вонзается тебе в самое сердце. Я помню, что, когда в феврале 1990-го ко мне впервые приехало болгарское ТВ, журналист оттуда очень удивлялся: «А как вы могли знать это? А как вы могли слышать то? А как это вы так говорите?!» Да вот так уж! Я никогда не терял контакт с Болгарией, ежедневно общаясь с огромным количеством болгар как открыто – за рубежом, так и тайно – в Софии.

– И как вы думаете, спецслужбы Живкова наблюдали за вами?

– Не без этого. Двое агентов отслеживали меня постоянно – хотя, возможно, в их работу входило следить за всеми болгарскими эмигрантами в Мадриде. Я уже потом спросил: а почему они мной так интересовались? Ну как же, отвечают, надо было работать, собирать материал, досье. Для чего? Да просто так – на всякий случай.

– Однако и в Болгарии некоторые люди считают, что династия Саксен-Кобургов – немецкая, а немцы никогда не понимали болгар.

– Ну тогда Америка уже давно должна попросту развалиться – там государственные посты занимают личности, съехавшиеся со всего мира. Бывший госсекретарь Киссинджер родом из Германии, новый госсекретарь мадам Олбрайт, насколько мне известно, родилась в Чехии. Если так рассуждать, то в США ни один политик не имеет права нормально работать. Любого, кто считает меня немцем, я вызываю поспорить со мной о политике и истории, жизни простых людей в Болгарии. И я уверен, что одержу победу. Да пусть бы я хоть сто лет жил за границей – все равно я болгарин! Мой отец похоронен на этой земле!

– А ваши дети – они говорят по-болгарски?

– Нет... Они понимают, но не говорят.

– Разве это хорошо?

– Это из-за меня. Видите ли, я всегда был прагматиком. И просто не мог поверить в то, что Советская империя в один прекрасный момент рухнет. Я думал, одних сентиментальных мыслей, что я болгарин, недостаточно, чтобы они учили язык. Когда все изменилось в 1989 году, я сел и подумал – ох, как я ошибся. Но это не значит, что мои дети с ходу бросились учить язык, повторяя: «Да-да-да, как мы только могли забыть – мы же болгары!» Но если, когда я вернусь в Болгарию, мне понадобится помощь одного из них, то я скажу: «0'кей, у тебя есть три месяца, чтобы выучить язык. Поступай на курсы – и вперед».

– Но согласитесь, «что качество этого языка будет таким...

– Знаете, моего сына, которого президент пригласил в Болгарию на должность своего экономического советника, некий журналист в Софии спросил: «Мистер Кобург, да как же вы будете работать, если не говорите по-болгарски!» Он ответил: «Во-первых, если бы моего отца не выкинули отсюда в 1946 году, я бы говорил по-болгарски, как и вы. Во-вторых, я здесь для экономических расчетов, а числа одинаковы на любом языке». Ничего страшного. Когда мой дедушка, Фердинанд I Кобург впервые ступил на землю Болгарии, он читал свою первую речь на болгарском языке. Она была написана латинскими буквами, а места, на которых следовало сделать акцент, отчеркнули цветным карандашом.

– Хорошо. Но ваши дети хотя бы православные?

– Да, двое старших. А трое остальных-католики.

– Это, как мне кажется, все-таки проблема...

– А что тут удивительного? Не забывайте – Испания дала мне убежище, и когда родился третий ребенок, я подумал: «Так, двух православных достаточно. Надо уважать страну, в которой живешь». И вообще – у нас в Болгарии имеются и католики, и мусульмане, и иудаисты. Так что – разве они не болгары? То, что считалось приемлемым в средневековье, в XXI веке уже не проходит. Хотя теперь случаются другие крайности. Как-то раз был я в Таллине, и спросил на улице у женщины, где тут православная церковь. Она так посмотрела на меня подозрительно: «Зачем она вам? Вы что – коммунист?» Я вздохнул: «Мадам, я иду не в компартию вступать, а молиться Богу». Мне жаль, но я не вижу в верующих терпимости друг к другу. В прошлое Рождество, когда я был в Пловдиве, митрополит и муфтий выразили желание поздравить меня. И так получилось, что они пришли в одно и то же время. Я был так рад! Говорю им: «Это самый лучший рождественский подарок для меня – видеть вас вместе!» Они в ответ – ну, это потому что вы царь, а так мы бы ни за что вместе не пришли. Но почему!? Мы же болгары!

Странно, конечно...

– Как вы относитесь к недавнему взрыву в Софии мавзолея Димитрова?

– Это трудный вопрос... Место, где он стоял, не совсем вписывалось в план города, мешало автомобильному движению. В то же время – пирамиды и храмы, посвященные царям Египта, стоят, а кем они были – мерзавцами или добряками, уже неважно, потому что это – история. Я полагаю, что часть памятников должна остаться, чтобы напоминать людям о конкретном историческом периоде. В Болгарии до сих пор спорят о монументе «Алеше» в Пловдиве, а я не понимаю, чего тут спорить?! Обратите внимание на памятник советским солдатам-освободителям в Вене – почему он там стоит и никому не мешает?! Если кому-то не нравится – возьмите и не смотрите. Зачем же взрывать-то?

– Говорят, что вы даже лично встречались с маршалом Толбухиным...

– Ну, это не совсем так. Маршал выразил желание посетить мою

мать, но она сказала, что не спустится к нему из своих покоев, хотя в принципе Толбухин может прийти. После полудня я буквально прилип к окну – так хотелось увидеть живого маршала! Сначала пришел полковник с букетом цветов, которые он передал нашему адъютанту Стефанову. Мать пожелала видеть этого полковника, он вошел, поклонился и сказал: «Ваше Величество, маршал Толбухин приносит свои извинения, что не навещал вас ранее – он не знал, что вы находитесь в этом здании. Маршал посчитают, что дворец – это, как и в СССР, только музей и тут никто не живет». Позднее маме сказали, что она единственная женщина во всей Болгарии, которой маршал Толбухин преподнес букет цветов. Но больше всего из советских солдат мне запомнились девушки-регулировщицы, машущие маленькими флажками. Меня так поразило, что женщины, как и мужчины, могут носить военную форму!

– У вас, как у царя, существовал тогда распорядок дня?

– Да. Просыпались мы обычно в полседьмого утра, потом шли завтракать. Редко садились за стол вместе с родителями – они постоянно были заняты. Вскоре после того, когда папа умер, мать запретила подавать в столовой мясо, объяснив нам, что раз люди в стране голодают, нам есть его неприлично. Я отлично помню день, когда впервые после войны во дворец привезли белый хлеб. Нам об этом сказали за сутки, и мы с сестрой дежурили у кухонной двери, чтобы на него посмотреть – забыли, как он выглядит. Перед самим же дворцом у нас рос красивый розовый сад. Но во время войны пришлось разбить там картофельное поле. Конечно, это было не так романтично, не зато довольно-таки вкусно.

– Ваше Величество, персонально для меня всегда было интересно – почему бывшие монархи никогда не пытаются стать президентами своих стран? Ведь они уверяют, что народ их поддерживает...

– Да, но мы имеем только один пример в истории, когда бывший король стал президентом. а затем снова королем, – это принц Сианук в Камбодже. Хотя я ничего не имею против поста

президента. Может быть, я уже даже склоняюсь попробовать. Но... знаете, я не могу врать людям. Я слишком уважаю мою страну и мой народ, чтобы рассказывать дешевые сказки, а на следующий день спокойно забыть о своих обещаниях. Я уже говорил тем, кто мне намекал на президентское кресло: «Ребята, я лишь тогда смогу что-то сделать, если мы будем делать это вместе. А обещать всякую ерунду – это уж извините меня». Зачем мне расписывать болгарам: «Ах, монархия это лучшее решение всех ваших проблем, а я вообще такой отличный парень! » Нет! Я призываю их самих подумать как следует, что для них лучше – пусть болгары сами откроют свои глаза и решат.

– А открыв глаза, они должны реставрировать вас на престоле?

– Нет. И я бы не называл это реставрацией. Ведь что такое «реставрация»? Установление точно такой же ситуации, которая существовала до революции. Но это означало бы развернуться и бежать назад. Считается, что монархия – это что-то такое, когда у одного человека неограниченная власть, а республика куда более современна. Во-первых, это не так, а во-вторых, существуют республики почище любой абсолютной монархии – возьмите хотя бы Лукашенко. У людей есть мечта – чтобы жизнь в Болгарии стала лучше. И неважно, будет носить корону или шляпу тот человек, который эту мечту осуществит. Есть много людей, которые слышать не хотят о монархии, но при этом говорят: «Нам нравится Симеон! Он современный, воспитан в западном стиле, у него огромные связи», о'кей. Если я смогу проделать полезную работу, тогда почему нет? Я специально долго не приезжал домой, хотя все кричали – надо сейчас, вы теряете позиции, теряете время. Но я не хочу давить на людей ни в коем случае. Когда я принял в Мадриде делегацию экс-коммунистов, членов новой Социалистической партии, все стали с ума сходить – а что Симеон-то делает! Но отчего я должен кому-то отказывать во встрече, если я рад общению со всеми болгарам? Монархия вообще только тогда имеет смысл, когда она необходима большинству.

– Как вы полагаете, возможно ли восстановление монархии в

России?

– Поиски царя-батюшки в России велись всегда, но я не знаю, насколько менталитет изменился сейчас. Конечно, Романовы сделали много как хороших вещей, так и плохих, но... В случае России, раздираемой противоречиями, мне хочется сказать следующее – президент обычно принадлежит к одной политической партии либо к другой, но единство всех граждан может осуществить только монарх. Монархия – неплохая альтернатива республике, но в то же время упаси меня Бог утверждать, что это лучший государственный строй.

– Насколько тяжело вам было пережить смену обстановки в 1946 году? Сегодня вы царь, пусть формальный, но все же повелитель страны. А на следующий день – мальчик с плюшевым зайцем.

– Я очень страдал. Но не из-за того, что потерял корону. Каждый день в школе, институте и впоследствии на работе был очень трудным – мне ужасно не хватало моей страны, и я мучился. Дети в колледже смеялись надо мной: «Вы поглядите, этот парень думает, что он какой-то там царь – давайте наподдадим ему». Хотя, с другой стороны, все-таки в школе мне понравилось. Ведь раньше меня обучали учителя во дворце, и я никогда не видел такого количества детей, с которыми можно играть! Да многое было необычно. Я выхожу на улицу, а со мной рядом нет адъютанта, нет охраны, как здорово! Впрочем, и во дворце мы имели мало телохранителей – отец верил, что спасти от беды может только Господь Бог. Коммунисты же приставили к нам «народную милицию», но она больше следила, чем охраняла. А при выходе из дворца со мной всегда ездил только один охранник.

– Сейчас-то, само собой, больше?

– Если приезжаю в мою страну, то да, но сейчас и время другое. Это смешно – когда я прибыл первый раз в Болгарию, мне придали такое огромное количество охраны, что я спросил: «Меня столько народу ненавидит, что требуется так охранять?» Мне сказали – «Ваше Величество, это сейчас модно. Вы сразу будете выглядеть

очень значительно». Кстати, первые болгарские телохранители у меня были те же, что охраняли и Тодора Живкова, – представляете, какой парадокс! Отличные профессионалы, скажу я вам.

– Ваши соседи знают, что рядом живет царь?

– Да, иногда даже таксисты узнают. Но на улице никто не подходит, в метро никто не останавливает. Папарацци тоже не преследуют – я такой, как говорит мой сын, «человек в сером костюме», как назывался фильм английского режиссера Алека Гиннесса. Действительно, с костюмом я не расстанусь практически никогда, так же как и с галстуком. А чего меня выслеживать? Скандалов я не устраиваю. Зато в Болгарии шагу не дают пройти, но простые люди мне очень приятны. Как-то раз я иду по улице в Софии, а там у нас возле метро женщины продают всякую мелочь. Одна увидела меня и говорит: «Надо же, царь! Здравствуйте, Ваше Величество!» Я приподнял шляпу и говорю: «Добрый день, госпожа». Какой-то человек, стоявший рядом, рот открыл: «Нет, вы видали?! Сам царь снял шляпу, чтобы поприветствовать эту старушенцию!»

– Я его понимаю. Ситуация действительно непривычная.

– А для меня она абсолютно нормальная. Видите ли, разные там рассказы о ледяной чопорности и официозности монархов – это в основном миф. Например, я не так давно ехал с цветочной выставки вместе с королевой Великобритании, и ее автомобиль послушно останавливался на каждом светофоре. Но, к сожалению, король должен делать то, что от него ждут. Королева Голландии, она такая энергичная женщина, обожает ездить на велосипеде, но обязана вести себя официально, так как это привлекает в страну туристов. Монархия вообще очень выгодное предприятие. Короны печатаются на чашках, марках, открытках: вы посмотрите, какое бешеное количество сувениров покупают туристы перед королевским дворцом в Мадриде – а это дает работу многим людям. Любой президент республики – при всем моем глубоким уважении к президенту – не в состоянии принести стране столько

денег. Ну, разве что в России из него матрешку сделают.

– То есть поговорка «до Бога высоко, до царя далеко» – она, так сказать, морально устарела?

– Конечно! У нас такая поговорка тоже есть, и когда мне ее цитируют, я отвечаю: «Вы ошибаетесь. Да, до Бога действительно далеко, но царь-то – вот он, перед вами!»

– И последний вопрос... Можете ли вы сказать, что вы царь по профессии?

– Думаю, да. Работа царя – на всю жизнь, и я учусь своей профессии 60 лет. И если человек не полный дурак, он обязан чему-то научиться за это время. Я полагаю, что я научился.

Через год партия «Национальное движение – Симеон II» победила на выборах в Болгарии, получив половину (!) всех мест в парламенте. Однако, уже через 8 лет партия монархистов получила лишь 3 (!) процента, и вообще не попала в парламент: эксперимент бывшего царя с политикой оказался неудачным. Мне он показался умным и интеллигентным человеком – возможно, это не его вина, просто болгары ждали от экс-монарха экономического чуда. А оно так и не произошло. Болгары вернулись к тому, что было, и проголосовали за бывших коммунистов. И в этом и есть личная трагедия Симеона II – его отвергли второй раз, уже демократическим путем. А это, разумеется, неприятно любому человеку.

[\(с\) Зотов](#)